

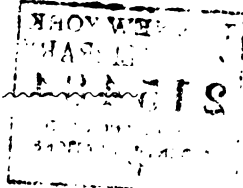
Indexed

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

SECRET

CONFIDENTIAL

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПЕТРОМЪ БАРТЕНЕВЫМЪ.

(издателемъ „Русскаго Архива“).

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ Т. РИСЬ, У МЯСНИЦКИХЪ ВОРОТЪ, Д. ВОИЖКОВА.

1869.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
215484
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
1901

NOV 1901

ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ.

Источники. а) *Villebois, Mémoires* (въ «Revue Retrospective», 3 Série Paris, 1838). Это извлеченіе изъ Записокъ Вильбоа сообщаетъ много данныхъ, не заключающихся въ отдѣльномъ изданіи этихъ Записокъ. б) *Villebois, Mémoires secrets*, Paris, 1853. в) *Galitzin* (pr. Augustin) *La Russie au XVIII siècle*, Paris 1863. д) *Mottley, The history of the life and reign of the Empress Catherine*, 1764. е) *Weber, Das Veränderte Russland*, 1744. ф) *Herrmann, Geschichte des russischen Staates. IV-er Band* г) *Басевичъ, Записки (Русскій Архивъ, 1866)*. h) *Арсеньевъ, Царствованіе императрицы Екатерины I*. i) *Беркгольцъ, Дневникъ камеръ-юнкера*, пер. Аммона, изд. 2, 1858. к) Энциклопедическій Лексиконъ 1861 г. (Екатерина I). л) *Helbig, Russische Günstlinge (Русскій Архивъ 1865)*.

I. Марта, Маріенбургская плѣнница.

Около того времени, когда Петръ впервые обдумывалъ планы противъ Швеціи въ деревянномъ Преображенскомъ дворцѣ (который послѣ былъ обложенъ фейерверочными препаратами и подожженъ собственною рукою Петра, чтобы не оставалось памяти о его враждѣ къ этой державѣ) — чума губила народъ въ Ливоніи. Въ одномъ изъ опустошенныхъ заразою приходовъ умеръ священникъ, умерла и значительная часть его домочадцевъ. Пасторъ Глюкъ, суперинтендентъ округа Маріенбургскаго и озера Пейпуса, пріѣхалъ навѣстить приходъ лишившійся проповѣдника и, войдя въ домъ умершаго пастора, увидалъ трехлѣтнюю дѣвочку, бросившуюся къ нему съ крикомъ „папаша!“ и съ просьбою накормить ее. Пасторъ занятъ дѣломъ, но дѣвочка тормозить его, и онъ долженъ удѣлить ей частичку вниманія. Дѣвочка понравилась Глюку. Кто она? Не трудно было узнать, что маленькая Марта была приемышемъ покойнаго пастора. Труднѣе было дознаться, откуда она была родомъ,

кто отецъ и мать ея. Да и особенной надобности не было въ то время Глюку наводить эти справки о дѣвчкѣ, о которой въ вымершемъ домѣ пастора, принявшаго ее, никто не могъ сообщить ему ничего положительнаго. Глюкъ рѣшился взять малютку на свое попеченіе. Онъ привезъ ее къ своей женѣ, и та стала воспитывать Марту при своихъ дѣтяхъ. Ее воспитывали не какъ товарку маленькихъ дочерей пастора, а какъ служанку: доказательствомъ можетъ служить, что ее даже не научили читать и писать, и Марта выросла въ хорошенькую, статную, но безграмотную дѣвушку. Немудрено, что пасторъ и жена его косо посмотрѣли на отношенія, начавшія было устанавливаться между ихъ сыномъ и хорошенькою служанкою ⁽¹⁾. Надобно было положить конецъ взорамъ и вздохамъ, которые не могли вести ни къ чему доброму, и пасторъ Глюкъ очень не прочь былъ выдать Марту замужъ, когда къ тому представился случай. Драгунъ Іоганнъ въ шведскомъ отрядѣ, занимавшемъ Маріенбургъ, сдѣлалъ предложеніе Мартѣ, и Глюкъ далъ согласіе на этотъ бракъ. Недолго однако судьба судила Мартѣ быть съ Іоганномъ. Въ то время оправившіяся отъ пораженія при Нарвѣ войска Петра отнимали шагъ за шагомъ Ливонію у Карла XII. Дошла очередь и до Маріенбурга. Шведское войско, занимавшее Маріенбургъ, выступаетъ, Русскіе приближаются. Шведскій майоръ, оставленный комендантомъ въ Маріенбургѣ, не можетъ помышлять о защитѣ. Отрядъ арміи Шереметева, подошедшій къ городу, ожидала добровольная сдача. Между другими, вышедшими на встрѣчу побѣдоносному непріятелю, вышелъ и пасторъ Глюкъ со всѣми домашними и въ томъ числѣ съ Мартою, молодой мужъ которой только передъ тѣмъ ушелъ съ шведскими войсками и разстался съ нею (чтобы не видѣться никогда). Пасторъ Глюкъ былъ человѣкъ съ тактомъ, знавшій, какъ дѣйствовать въ превратностяхъ міра сего и потому, отправляясь въ русскій лагерь, не забылъ взять подъ мышку славянскую біблію ⁽²⁾. Онъ зналъ по-русски и не упустилъ случая дать намекъ русскому главнокомандующему, что можетъ быть полезенъ царю. Какое дѣйствіе

(1) Villebois (a), 8—9. — (2) Weber, III, 7.

произвела библия Глюка, нѣтъ положительныхъ историческихъ свѣдѣній, но можно утвердительно сказать о дѣйствіи, произведенномъ одною изъ спутницъ пастора. Марту, какъ плѣнницу, какъ военную добычу, взяли къ русскому главнокомандующему, а пасторъ Глюкъ спокойно возвратился въ городъ (*). Можно однако почти навѣрное сказать, что Марта и славянская библия одинаково повліяли на то, что чрезъ нѣсколько времени въ Москвѣ, въ домѣ Нарышкиныхъ, явилось такъ называемое переводное заведеніе Глюка (³).

У Шереметева Марту увидалъ Меньшиковъ и склонилъ фельдмаршала уступить ему плѣнницу. Вильбоа положительно говорить, что Меньшиковъ скоро подпалъ подъ вліяніе ея и что въ обществѣ болѣе молодого и болѣе красиваго чѣмъ Шереметевъ любимца Петра Марта уже не несла одной покорности рабы къ ногамъ своего властелина, а что напротивъ немного прошло дней, и уже нельзя было сказать, кто въ домѣ Меньшикова дѣйствительно рабъ—всевластный ли любимецъ царя, или жена шведскаго драгуна Іоганна. Въ отношеніяхъ Марты къ Меньшикову приняло участіе сердце, и гордый, алчный будущій князь Ижорскій склонился передъ нимъ. Было ли это чувство сколько нибудь возвышенное? Мы сейчасъ увидимъ.

Пріѣзжаетъ къ Меньшикову Петръ. У Петра, какъ извѣстно, всегда былъ солидный аппетитъ, и потому всюду, куда онъ пріѣзжалъ, его ожидала закуска. О Петрѣ же его докторъ Арескинъ говаривалъ, что онъ одержимъ легіономъ духовъ сластолюбія. Имѣя это въ виду, едва ли нужно долго распространяться о томъ, что Петръ кушалъ у Меньшикова и что кушая онъ замѣтилъ между подававшими кушанья Марту. Петръ расположился ночевать у Меньшикова и послѣ ужина велѣлъ Мартѣ посвѣтить себя въ спальню. Это былъ приказъ, противъ котораго не было апелляціи. Что же дѣлаетъ Меньшиковъ? Онъ покорно склоня-

(*) Пасторъ Глюкъ могъ бы быть предметомъ особаго историческаго изслѣдованія. Кто возмется за таковое, тому непременно надо будетъ принять въ соображеніе общія свойства прибалтійскихъ пасторовъ, какъ они недавно обнаружены въ Русской печати. *П. Б.*—(³) *Russische Günstlinge*, 117.

еть голову въ знакъ согласія. Добрый Александръ Даниловичъ! Но и достанется же ему завтра отъ Марты!

Всегда циникъ, никогда селадонъ въ своихъ нѣжныхъ отношеніяхъ, Петръ при прощаніи всовываетъ золотой дукатъ (два тогдашнихъ рубля, пол-луидора) Мартѣ въ руку. Едва уѣхалъ Петръ, Марта показала Меньшикову, что она думаетъ о немъ, и виновный долженъ былъ вынести справедливую кару.

Пріѣзжаетъ опять къ Меньшикову Петръ. Опять кушаетъ. Между прислуживающими нѣтъ однако Марты. Вѣрно упреки ея не были забыты. Но и Петръ не забылъ ея. „Гдѣ же Марта?“ Это—вопросъ-приказаніе, и опять на него нѣтъ апелляціи. Марта явилась. Петръ начинаетъ опять шутки, какъ и въ первый разъ. Но что же это значитъ? Марта сдержанна, задумчива.... Смолкаютъ и шутки Петра, и онъ въ задумчивости наклоняется къ своей тарелкѣ. Веселая бесѣда стихла. Что такое съ Петромъ? Что запало въ это сердце, которому до того чужды были тревоги болѣе слабого человѣчества? Не онъ ли гордился прежде тѣмъ, что женщина въ глазахъ его игрушка? Неужели задумчивость эстонской дѣвушки отразилась въ задумчивости гордаго монарха? Или тутъ внутренній человѣкъ напомнилъ монарху, что есть что-то, чего не пріобрѣтешь всѣми приказами повелителя не знающаго прекословія и не купишь всѣми дукатами царства?

Петру, въ концѣ ужина, подають рюмку водки на подносѣ. Онъ поднимаетъ глаза. Подноситъ та же, по неволѣ обязанная прислуживать, Марта. Но уже Петръ пришелъ въ себя. „Я увожу ее съ собою“, сказалъ онъ Меньшикову, вставъ изъ-за ужина и уходя къ себѣ. На этотъ разъ онъ остановился не у Меньшикова въ домѣ. Онъ взялъ Марту подъ руку и вышелъ ⁽⁴⁾.

На слѣдующій день царь видитъ Меньшикова, но ни слова ему о Мартѣ. Видитъ его и на другой день, и также ни слова. Только на третій день, когда было переговорено о дѣловомъ, Петръ зоветъ уходившаго Меньшикова и говоритъ ему, что у Марты нѣтъ ничего изъ платья и что имъ

⁽⁴⁾ *Villebois* (a), 13—22.

нужно ее „оснастить“ какъ слѣдуетъ. Александру Даниловичу не надобно было дважды повторять словъ Петра. Онъ понялъ что это значить. Онъ отправляется домой, самъ собираетъ въ два узла всѣ пожитки Марты и посылаетъ узлы съ двумя дѣвушками, бывшими у него въ домѣ (на послугахъ у Марты) къ ней въ домъ, гдѣ остановился Петръ. Царедворецъ не упустилъ при этомъ благопріятнаго случая. Онъ угадывалъ что ждетъ Марту въ будущемъ и спѣшилъ начать принимать свои мѣры. У любимицы Меншикова могло быть два узла пожитковъ и двѣ горничныя для услугъ, но у любимицы Петра отчего не быть и ящичку съ драгоценностями между имуществомъ? Ящичекъ съ драгоценными кольцами и т. д. на сумму до 5,000 рублей владется въ одинъ изъ узловъ, и узлы отправлены.

Марта въ комнатахъ Петра. Горничныя, принесшія узлы, не найдя ея въ ея комнатѣ, не смотря на то, раскладываютъ принесенное. Скоро комната принимаетъ другой видъ. Возвращается Марта. Она удивлена, но ей не нужно пояснять, въ чемъ дѣло. Съ находчивостью, заставлявшею предполагать, что она начинала чувствовать себя здѣсь какъ дома, она, обратясь къ Петру, сказала: „Я довольно долго была на вашей половинѣ, теперь пожалуйста на мою.“ Петръ идетъ за нею. Марта въ волненіи перебираетъ присланныя вещи. А это что? Ящикъ для зубочистки? Нѣтъ! Довольно было открыть ящичекъ, добавленный Меншиковымъ къ имуществу Марты, чтобы бѣдной эстонской дѣвушкѣ, не выдавшей себя никогда обладательницею такого количества золота и дорогихъ каменьевъ, придти въ смущеніе.

— Это не мое! съ рѣшимостью говорить она. Если это отъ моего прежняго господина, я возвращаю ему его драгоценности. Это кольцо (она указала при этомъ на недорогое кольцо на рукѣ ея) не меньше напомнить мнѣ обо всемъ, что онъ сдѣлалъ для меня. Если же это отъ моего новаго господина—возвращаю ящикъ ему: мнѣ нужно отъ него то что дороже заключающагося въ этомъ ящикѣ.

Петръ улыбается, общается сосчитаться съ Меншиковымъ, а Мартѣ, смущенной и въ слезахъ отъ всего происшедшаго, подали подкрѣпляющую рюмку венгерскаго. Вильбоа, современникъ Петра и человѣкъ приближенный къ

нему, передаетъ подробности о жизни Марты со словъ дамы, у которой Марта, посланная въ Москву, долго жила послѣ въ домѣ. Сцена перваго впечатлѣнія, произведеннаго на Марту рѣшеніемъ Петра оставить ее у себя, была бы неизвѣстна потомству, если бы свидѣтелемъ ея кромѣ стоявшихъ тутъ двухъ дѣвушекъ не былъ гвардейскій капитанъ, котораго Петръ, не ожидавшій сцены, привелъ съ собою ⁽⁵⁾.

Съ этого времени Марта остается у Петра, но Петръ вида не показываетъ, что она у него. Онъ ли не балагурилъ прежде съ приближенными о своихъ интрижкахъ? Отчего же о Мартѣ онъ ни слова? Значить, не мимолетна была тѣнь задумчивости, упавшая на лицо его на памятномъ ужинѣ у Меньшикова?

Посылая Марту въ Москву съ довѣреннымъ гвардейскимъ офицеромъ, Петръ поручилъ ему заботиться, чтобы все было къ услугамъ ея, чтобы поѣздка ея оставалась въ тайнѣ и ему ежедневно посылались рапорты о состояніи ея здоровья. Безъ огласки пріѣхала Марта въ Москву. Провожатый привезъ ее къ дамѣ, у которой хотѣлъ помѣстить ее Петръ. Съ этого времени она жила въ одной изъ уединенныхъ мѣстностей Москвы, въ домѣ скромномъ снаружи и щедро снабженномъ внутри. Въ первое время Петръ ѣздилъ къ ней безъ огласки. Только нѣсколько времени спустя.... Но нѣсколько времени спустя, Маріенбургская плѣнница Марта превратилась уже въ государыню Екатерину Алексѣевну. Есть однако основаніе полагать, что и по рожденіи старшей дочери она продолжала называться Катериною Василевскою, живя въ Петербургѣ въ 1708 г. ⁽⁶⁾.

Но кто же Марта? Кто были ея отецъ и мать? Пасторъ Глюкъ могъ не заботиться о происхожденіи бѣдной дѣвочки, взятой имъ на воспитаніе, но могло ли оставаться неузнаннымъ прошедшее подруги царя Петра I? И однако потомство бродитъ ощупью, отыскивая достовѣрныя данныя о происхожденіи Марты. Была ли она рождена внѣ брака отъ крѣпостной женщины ливонскаго помѣщика Розена,

⁽⁵⁾ *Villebois* (a), *ibid.* — ⁽⁶⁾ *Чтенія И. М. О. И.* 1860, 2, I, 37.

какъ въ этомъ увѣряетъ насъ Мотлей ⁽⁷⁾, писавшій, когда уже можно было собрать всѣ вѣрныя данныя о предметѣ (въ 1764 г.), или Марта была дочь крестьянина изъ с. Догавена въ Литвѣ, принадлежавшаго шляхтичу Лаурницкому? Мотлей не только говоритъ, что Марта родилась близъ Дерпта, въ с. Рингенѣ ⁽⁸⁾, гдѣ мать ея жила на иждивеніи подполковника Розена, но и прибавляетъ, что въ Рингенѣ же Марта была взята на воспитаніе пасторомъ, который, по бѣдности, не будучи въ состояніи печься о ней, передалъ ее Глюку. Но обстоятельный разсказъ въ Запискахъ Вильбоа о томъ, какъ Марта попала въ домъ Глюка, носить характеръ бѣльшей достовѣрности чѣмъ отрывочные факты, приводимые англійскимъ авторомъ, писавшимъ десятки лѣтъ послѣ упоминаемыхъ имъ событій. Мы слѣдовали изложенію Вильбоа. У него же находимъ мы подробности о происхожденіи Марты, кажушіяся наиболѣе правдоподобными. Согласно имъ, отецъ Марты, Самойло, бѣжалъ съ ея матерью изъ Литвы въ Ливонію. Марта была крещена по католическому обряду. Отецъ и мать Марты умерли отъ чумы, какъ и пасторъ, принявшій послѣ Марту на воспитаніе. Впослѣдствіи Марта, живя у протестантскаго пастора, была воспитана въ протестантствѣ и конофирмована какъ протестантка. Разсказъ Вильбоа тѣмъ для насъ достовѣрнѣе, что послѣ нашли родныхъ Марты, и они дѣйствительно были литовскіе католики, по словамъ однихъ не имѣвшіе фамильнаго прозвища, но по другимъ прозывавшіеся Сковорощенками, Сковороцкими ⁽⁹⁾ и послѣ названные—вѣроятно для благозвучія—Скавронскими. Братъ Марты Карлъ жилъ и умеръ католикомъ. Самый фактъ о крещеніи ея по католическому обряду при рожденіи не только не опровергнутъ, но былъ общеизвѣстенъ современникамъ бывшей Марты, названной, по приобщеніи ея къ грекороссійской вѣрѣ, Екатериною, и подалъ поводъ къ извѣстному придворному, не очень остроумному, каламбуру: *l'imperatrice Catherine a beaucoup de religions*. Наконецъ не надобно забывать, что Петръ впослѣдствіи навелъ самыя обстоятельныя справки

⁽⁷⁾ *Mottley*, 3—8. — ⁽⁸⁾ Германъ принимаетъ также, что Марта родилась въ Рингенѣ. *Herrmann*, IV, 262. — ⁽⁹⁾ *Арсеньевъ*, 74—75.

о родныхъ Екатерины, и вся исторія о томъ, какъ отыскали брата ея, доказываетъ неоспоримо, что Марта родилась въ семействѣ Самойлы Скавронскаго, что старшій братъ помнилъ ее, что родные и послѣ слѣдили за судьбою ея. Если примемъ во вниманіе, что собственныя дочери Петра отъ Екатерины—Анна и Елисавета—родились, по увѣренію не только Вильбоа, но и Брауншвейгскаго резидента Вебера (писавшаго со степенью и обстоятельностью лѣтописца) внѣ брака ⁽¹⁰⁾, и лишь послѣ Петръ вступилъ съ Екатериною въ законныя узы, то едва ли можно усомниться, что человѣкъ, такъ мало обращавшій вниманія на сужденіе свѣта, какъ Петръ, не остановился бы передъ признаніемъ подполковника Розена отцомъ Екатерины, хотя и рожденной внѣ брака, если бы легенда Мотлея была вѣрна.

Откуда же такіе различные толки о происхожденіи женщины, поставленной судьбою такъ высоко, какъ Екатерина, и о томъ, о чемъ, казалось, не было особеннаго труда дознаться? Какъ ни странно это кажется съ точки зрѣнія безпристрастности въ исторіи, но несомнѣнно, что духъ партіи сильно вліялъ на рассказы біографовъ Екатерины о ея прошедшемъ. Замѣтимъ кстати, что Елизавета Петровна и Петръ III слышать не хотѣли, чтобы Екатерина дѣйствительно вышла замужъ, будучи маріенбургскою Мартою. Определено было считать Іоганна только женихомъ, хотя многое дѣлаетъ фактъ свадьбы несомнѣннымъ. Довольно сказать также, что есть біографы, настаивающіе на томъ, что Петръ вступилъ въ бракъ съ Екатериною до рожденія принцессъ Анны и Елизаветы, хотя Вильбоа и, чуждый страсти къ пикантному въ изложеніи, безпристрастный Веберъ утверждаютъ положительно, что тайный бракъ Петра съ Екатериною былъ совершенъ лишь въ 1711 г. (*).

⁽¹⁰⁾ Weber, III, 2. — (*) У покойнаго И. М. Снегирева намъ случилось видѣть старинную Петровскую гравюру, величиною въ поллиста обыкновенной писчей бумаги, съ изображеніемъ бракосочетанія Петра и Екатерины. Оба они стоятъ въ церкви передъ наосомъ, и у каждаго съ боку по маленькой дѣвочкѣ. Это двѣ дочери *привѣнчанныя*. Говорятъ, что привѣнчаніе не было особенною рѣдкостью въ старину. Къ сожалѣнію мы только разъ (въ 1850 г.) видѣли эту гравюру и не успѣли списать ни имени художника, ни другихъ отбѣтокъ. Не сохранилась ли эта гравюра у г. Ивановскаго, къ которому перешли бумаги И. М. Снегирева? П. Б.

О происхожденіи Марты не знали потому, что о немъ мало заботились; о происхожденіи Екатерины нельзя было узнать вполне достовѣрнаго потому, что о немъ заботились слишкомъ много.

II. Государыня Екатерина Алексѣевна.

Отношенія Петра къ Мартѣ долго оставались тайною даже для его приближенныхъ; по крайней мѣрѣ онъ думалъ, что онѣ—тайна для нихъ. Но скоро тайны нельзя было долѣе скрывать. Марта была приобщена къ православію и наречена Екатериною Алексѣевою. Восприемникомъ ея откупели былъ сынъ Петра, царевичъ Алексѣй. Петръ уже не одинокій пріѣзжалъ въ домъ, гдѣ жила Екатерина: къ нему часто съѣзжались туда министры и довѣренные лица. Толковали о дѣлахъ, и всѣ замѣчали, что Петръ, вообще не любившій, чтобы женщины вмѣшивались въ серьезныя дѣла съ своими замѣчаніями, напротивъ повидимому бывалъ доволенъ, когда въ дѣловой разговоръ вмѣшивалась Екатерина. Изъ почтительнаго ли чувства къ Петру, или дѣйствительно Екатерина умѣла показать въ этихъ бесѣдахъ здравый умъ и вѣрное сужденіе, только сановники не разъ утверждали, что простая и неизысканная логика собесѣдницы не рѣдко выводила ихъ изъ лабиринта правительственной софистики и къ удивленію ихъ бросала новый свѣтъ на вопросы ⁽¹¹⁾.

Екатерина получила офиціальнѣйшій титулъ „государыни“. Веберъ и за нимъ Германъ ⁽¹²⁾ передаютъ его словами: „gnädige Frau“; но „государыня“ по русски значитъ нѣсколько болѣе чѣмъ gnädige Frau. Такимъ образомъ, въ тѣсномъ кружкѣ приближенныхъ, Екатерина и теперь уже была лицомъ стоявшимъ близко къ государю, хотя для всѣхъ прочихъ она какъ бы играла роль невидимки при дворѣ. Есть даже достовѣрное извѣстіе, что Екатерина и послѣ рожденія принцессъ Анны и Елизаветы числилась офиціально женою придворнаго повара ⁽¹³⁾. Гельбигъ говоритъ, что лишь въ 1710 г. ей дано было званіе „фрейлины“ ⁽¹⁴⁾. Двухъ доче-

⁽¹¹⁾ Villebois (a), 22—23. — ⁽¹²⁾ Herrmann, IV, 262. — ⁽¹³⁾ Russische Günstlinge, 33.

⁽¹⁴⁾ ibid.

рей она родила Петру въ томъ же домѣ въ Москвѣ, куда ее привезъ гвардейскій капитанъ изъ Ливоніи. Это скрѣпило узы между Петромъ и нею. Въ 1711 г. Петръ рѣшился жениться на ней при немногихъ свидѣтеляхъ. Это было предъ отправленіемъ въ походъ противъ Турціи, и Екатерина уже умѣла сдѣлаться на столько необходимою для Петра, что онъ не разставался съ нею въ поѣздкахъ. Она имѣла сильное нравственное вліяніе на него. Слова ея часто обезоруживали его гнѣвъ. Если нужно было заступиться за кого нибудь предъ царемъ, посредницею выбирали Екатерину. Но Бассевичъ упоминаетъ сверхъ того объ обстоятельстве въ отношеніяхъ Петра и Екатерины, которое столь же важно въ физіологическомъ и психологическомъ, какъ и въ историческомъ отношеніяхъ (15).

Съ Петромъ дѣлались иногда припадки. По словамъ Бассевича, они происходили отъ яда, даннаго ему въ дѣтствѣ его сестрою Софьею. Наступленіе припадка узнавали по особенному судорожному подергиванію рта. Страшенъ бывалъ Петръ, одержимый такимъ припадкомъ. Гнѣвъ его обрушивался на окружающихъ; ему казалось, что хотятъ посягнуть на его жизнь. Сильная головная боль въ теченіи трехъ дней была слѣдствіемъ припадка. Такъ было до сближенія его съ Екатериною. Послѣ, едва замѣчали у Петра судорожныя движенія рта, какъ давали знать Екатерину. Та приходила, начинала говорить съ нимъ. Звуки голоса ея производили на него какъ бы магическое дѣйствіе. Припадокъ ослабѣвалъ, и Петръ засыпалъ часа на три на ея груди. Все это время она оставалась неподвижною, чтобы не разбудить его. Петръ просыпался свѣжимъ и бодрымъ, и головной боли послѣ какъ не было.

Екатерина, не трогавшаяся съ мѣста по три часа, пока спалъ Петръ на груди ея, Екатерина, ходившая съ заботливостію за нимъ, когда онъ страдалъ скорбутомъ въ Слудкѣ (16), Екатерина, дѣлавшая все угодное Петру и не связывавшая его ни въ чемъ, не могла не привязать его къ себѣ неразрывными узами. При всемъ томъ, есть основаніе думать, что Петръ смотрѣлъ на бракъ свой съ Екатериною какъ

(15) Бассевичъ. 27. — (16) Herrmann IV, 263.

на рѣшительный шагъ. Сестра Петра, Марѳа Алексѣевна (носившая также имя Маріи), послѣ ставшая противъ Петра и за его первую супругу Евдокію, первоначально сочувствовала планамъ брата и, изъ нерасположенія къ Евдокіи, совѣтовала ему жениться на Екатеринѣ ⁽¹⁷⁾. Слѣдовательно Петръ нуждался въ совѣтахъ, въ опорѣ домашнихъ, чтобы рѣшиться на бракъ съ Екатериною, и при всемъ томъ, это былъ еще тайный бракъ. Чтобы сдѣлать тотъ же бракъ гласнымъ, Петру нужно было предварительно возвысить Екатерину въ общественномъ мнѣніи Русскихъ, приготовить ихъ смотрѣть на нее какъ на царицу. Турецкій походъ представилъ къ этому удобный случай. Казалось бы, какая заслуга въ томъ, что Екатерина собрала всѣ бывшія у нея и у ея приближенныхъ драгоцѣнности и, присоединивъ къ нимъ то, что ея женственное краснорѣчіе выпросило у прочихъ Русскихъ бывшихъ въ походѣ ⁽¹⁸⁾, послала все это для подкупа визиря, чтобы тотъ выпустилъ изъ засады русскую армію? Что этимъ Екатерина оказала личную услугу Петру, это несомнѣнно. Ему ли, гордому побѣдителю Карла XII, начать было дѣло объ освобожденіи арміи, окруженной непріателемъ, подкупомъ, въ глазахъ своего соперника Карла? Ему ли было выпрашивать на это дѣло добровольныя подаянія? Можно предположить, что, не будь Екатерины, онъ скорѣе рѣшился бы погибнуть, пробиваясь чрезъ ряды Турокъ и Татаръ, или сдаться въ плѣнъ, чѣмъ рѣшиться на что нибудь подобное. Екатерина вывела его изъ затрудненія, спасла его самолюбіе. Заслуга ея предъ нимъ лично неоспорима; она сдѣлалась ему съ этой поры еще дороже. Но гдѣ же заслуга предъ Россією, о которой говорили послѣ Петръ и его приближенные? Если прутскій миръ — заслуга, то такую заслугу оказалъ бы, очень вѣроятно, Петру каждый изъ приближенныхъ, чтобы пощадить личное самолюбіе царя, потому что жертвы никакой не требовалось. Развѣ нельзя было знать напередъ, что пожертвовавшіе драгоцѣнностями получаютъ по возвращеніи въ Россію больше чѣмъ дали? Развѣ сама Екатерина, ѣздя по рядамъ и обращаясь за добровольными приношеніями, не говорила, что, если придется сдаться Туркамъ,

(17) Villebois (a), 25. — (18) *ibid.* 28.